

УДК 82+821.161.1+81.374

ББК 83+83.3(2=411.2)+81.411.2-4

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-227-255

Марина Коробова

Слово *работа* в текстах Достоевского: лексикографические заметки*

Marina Korobova

The Word *Work* in F.M. Dostoevsky's Texts: Lexicographical Notes

Об авторе: Марина Михайловна Коробова, научный сотрудник Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, участник плановой темы ИРЯ РАН «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий», Москва.

E-mail: mmkor1955@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению функционирования слова *работа* в текстах Ф.М. Достоевского. В предисловии с учетом количественных показателей дана общая характеристика распределения этого слова в соответствии с жанровой принадлежностью текстов, отмечено, что всего это слово у Достоевского встречается 962 раза, из них в художественных произведениях – 362 раза, а больше половины употреблений приходится на письма. Указаны также значения, в которых используется слово *работа*. Далее в первой и второй части статьи слово *работа* рассматривается в двух произведениях художественной прозы – «Записках из Мертвого дома», где зафиксировано максимальное количество его употреблений, и «Записках из подполья», в котором количество употреблений минимальное. В результате анализа выявляются лексические группы, для которых слово *работа* выступает в качестве своеобразного аттрактора, а также типы контекстов, которые оно формирует, отмечается большое разнообразие ассоциативных связей, раскрывающих семантику слова *работа*, что в совокупности отражает авторскую рефлексивность над данным словом. Это позволяет обозначить смысловые грани, высвечиваемые Достоевским при обращении к феномену работы в жизни человека, и место этого феномена в кар-

* Исследование выполнено в рамках Гранта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста».

тине мира писателя, в его тезаурусе, центр которого – ЧЕЛОВЕК. Третья часть посвящена рассмотрению идиостилевого употребления сочетания *каторжная работа* в письмах Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, авторская лексикография, идиостиль, слово «работа», «Записки из Мертвого дома», «Записки из подполья», сочетание «каторжная работа» в письмах Достоевского.

Для цитирования: Коробова М.М. Слово *работа* в текстах Достоевского: лексикографические заметки // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 227-255.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-227-255

About the author: Marina M. Korobova, researcher of the Department of Experimental Lexicography, Vinogradov Russian Language Institute RAS, participant of the planned topic “Dostoevsky Idioglossary” (Moscow).

E-mail: mmkor1955@yandex.ru

Summary: The article analyzes the functioning of the word *work* in Fyodor M. Dostoevsky's texts. In the preface, taking into account the quantitative indicators, the common characteristic of this word distribution according with the genre affiliation of the texts is given, it is noted that generally this word meets 962 times, 362 times in literary works and more than a half of its use falls on letters. The meanings in which the word *work* is used are also given. Further, in the first and second part of the article the word *work* is considered in two works of fiction – *Notes from the House of the Dead*, where the maximum number of its uses is fixed, and *Notes from the Underground*, where the number of uses is minimal. As a result of the analysis the lexical groups for which the word *work* acts as a kind of attractor, as well as the types of contexts that it forms, are discovered, a wide variety of associative links that reveal the semantics of the word *work* showing the author's reflection on this word is observed. This allows us to identify the semantic characteristics highlighted by Dostoevsky when referring to the phenomenon of work in human life and the place of this phenomenon in the writer's worldview, in his thesaurus, the center of which is MAN. The third part of the article considers the idiostyle use of the word combination *hard labor* in Dostoevsky's letters.

Key words: Dostoevsky, writer's language dictionary, idiostyle, the word *work*, *Notes from the House of the Dead*, *Notes from the Underground*, word combination “hard labor” in Dostoevsky's letters.

For citation: Korobova M.M. The Word *Work* in F.M. *Dostoevsky's Texts: Lexicographical Notes. Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 3(7), pp. 227-255.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-227-255

Статья посвящена изучению функционирования слова *работа* в текстах Ф.М. Достоевского. Данное слово имеет статус идиоглоссы, соответственно, подлежит описанию в Словаре языка Достоевского¹, где фиксируются его значения, контексты употребления с учетом жанрового и хронологического распределения, текстовые связи (ассоциативные, синтаксические, комбинаторные), случаи афористического, автонимного, игрового, иронического и тропеического употребления.

Разнообразие функциональных характеристик слова *работа* в текстах Достоевского подтверждает его идиоглоссный статус, под идиоглоссой при этом понимается «...слово с высокой частотой употребления; это “сквозное” слово, встречающееся во многих произведениях писателя и во всех функционально-жанровых разновидностях речи – художественных текстах, публицистике, письмах, деловой прозе. Идиоглосса обладает мощным ассоциативным потенциалом <...> образует в текстах большое словообразовательное поле и обладает другими качествами, концентрированно выражая своеобразие авторского языка и позволяя использовать в его описании максимальное число лексикографических параметров» [Караулов, Гинзбург, 2003, с. 16]².

Однако даже с учетом того факта, что цель Словаря – показать максимальное количество лингвистических характеристик идиоглоссы, дать ее многопараметровое описание, словарная статья – это лишь общее представление о слове, многое остается за ее пределами. Ниже с максимальной полнотой будет проанализировано функционирование слова *работа* в двух произведениях художественной прозы – «Записках из Мертвого дома», где зафиксировано максимальное количество употреблений слова *работа*, и «Записках из подполья», в котором количество употреблений минимальное. При этом наше внимание будет сосредоточено на тех лексических группах, для которых работа выступает в качестве своеобразного аттрактора, типах контекстов, которые это слово формирует, в конечном счете на том, какие смысловые грани высвечиваются Достоевским при обращении к феномену работы в жизни человека, на месте этого феномена в картине мира писателя, в его тезаурусе, центр которо-

¹ К настоящему времени опубликовано четыре выпуска Словаря (Идиоглоссария), см. [Словарь языка Достоевского, 2008, 2010, 2012, 2017].

² О Словаре и понятии идиоглосса см. также [Караулов, Гинзбург, 2001; Ружицкий, 2015].

го – ЧЕЛОВЕК → [человек и его деятельность] → [работа, род деятельности], см. [Ружицкий, 2015, с. 209]. В заключении статьи будет отдельно рассмотрено идиостилевое употребление сочетания *каторжная работа* в письмах Достоевского.

В общей сложности слово *работа* в текстах Достоевского встречается 962 раза: наибольшая частота, больше половины (496 раз), приходится на письма (включая деловую переписку); в художественной прозе – 362 раза, в публицистике – 104 раза, хотя можно было бы предположить, что это слово более характерно для публицистического, а не художественного текста³. Высокая частота употребления в письмах вполне объяснима, если принять во внимание факты биографии Достоевского. Отметим, что синонимичное *работе* слово *труд* не имеет такой особенности, при общей частоте 353 употребления слово *труд* достаточно равномерно распределено по жанрам: 127 раз – в художественной прозе, 116 раз – в публицистике и 110 раз – в письмах. Таким образом, напрашивается предположение, что для Достоевского *работа* актуальнее, занимает более важное место в его лексиконе. К примеру, у А.С. Пушкина, наоборот, слово *труд* имеет превосходящую частоту по сравнению со словом *работа*: 249 раз и 52 раза, соответственно (см. [Словарь языка Пушкина, 1959]).

Слово *работа* встречается в большинстве художественных произведений Достоевского, однако не во всех: его нет, например, в таких повестях и рассказах, как «Белые ночи», «Ползунков», «Дядюшкин сон», «Скверный анекдот», «Вечный муж» и «Сон смешного человека». Среди произведений, где слово *работа* встречается, обращает на себя внимание особенность распределения его частоты: половина всех употреблений в художественной прозе (362 раза) приходится на «Записки из Мертвого дома» (183 раза), остальные случаи распределяются более или менее равномерно – от 28 раз в «Преступлении и наказании» до единичных:

³ Данные Частотного словаря современного русского языка [Ляшевская, Шаров, 2009] свидетельствуют именно о таком распределении по подкорпусам материалов Национального корпуса русского языка: в публицистике слово *работа* встречается в два раза чаще, чем в текстах художественной литературы.

название произведения	частота слова <i>работа</i> по убыванию	название произведения	частота слова <i>работа</i> по убыванию	название произведения	частота слова <i>работа</i> по убыванию
Записки из Мертвого дома	183	Слабое сердце	10	Господин Прохарчин	3
Преступление и наказание	28	Честный вор	9	Зимние заметки о летних впечатлениях	3
Бедные люди	26	Идиот	9	Село Степанчиково	2
Подросток	21	Неточка Незванова	7	Хозяйка	1
Униженные и оскорбленные	16	Записки из подполья	7	Игрок	1
Бесы	16	Кроткая	4	Мужик Марей	1
Братья Карамазовы	11	Двойник	3		

Приведенные статистические показатели, однако, дают только поверхностное представление об особенностях функционирования слова *работа* в произведениях Достоевского; для полноценного анализа необходимо учитывать, в каких значениях это слово используется автором. В Словаре языка Достоевского мы выделяем семь значений слова *работа*⁴ (здесь приводится только один пример на каждое значение).

1. Осуществление какой-л. целенаправленной (полезной) деятельности; дело, труд; круг занятий, обязанностей. [Доброселова] Прибежишь, запыхавшись, домой; дома шумно, весело; раздадут нам, всем детям, **работу**: горох или мак щелушить. Сырые дрова трещат в печи; матушка весело смотрит за нашей веселой **работой** <...> [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 84].

2. Принудительный труд как мера наказания в местах заключения. [Горянчиков] Это были преступники, совершенно лишенные всяких прав состояния, отрезанные ломти от общества, с проклей-

⁴ Например, в Словаре языка Пушкина для 52 случаев употребления слова *работа* выделено три значения (с распределением частоты и указанием оттенков): 1. Занятие каким-л. трудом (41). | *Мн. ч. работы* в знач. «различные занятия каким-л. трудом». | То же как источник заработка, пропитания. | Места таких занятий. 2. То, над чем кто-н. работает, трудится; то, что кем-н. сделано, создано (6). 3. Выделка, изготовление, исполнение (5) [Словарь языка Пушкина, 1959, с. 904-905].

менным лицом для вечного свидетельства об их отвержении. Они присылались в **работу** на сроки от восьми до двенадцати лет и потом рассылались куда-нибудь по сибирским волостям в поселенцы [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 10].

3. *Только мн.* Специализированная (обычно коллективная деятельность) по созданию, обработке чего-л. [Доброселова] Мы въехали в Петербург осенью. Когда мы оставляли деревню, день был такой светлый, теплый, яркий; сельские **работы** кончались; на гумнах уже громоздились огромные скирды хлеба и толпились крикливые стаи птиц <...>! [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 27]

4. Дело, занятие как источник заработка; служба (в том числе место службы). Вещи продолжали продаваться, Наташа продала даже свои платья и стала искать **работы** <...>. В настоящее время прекратились даже и эти последние ресурсы; оставалась только одна **работа**, но плата за нее была самая ничтожная [Достоевский, 1972-1990, т. 3, с. 225].

5. Продукт, результат труда; изделие, произведение. Заглавные буквы и гирлянды разрисованы были разными красками. Всё вместе составляло премиленькую каллиграфскую **работу** [Достоевский, 1972-1990, т. 3, с. 92].

6. Качество, способ, манера исполнения. [Голядкин] <...> прошу вас, милостивый государь мой, немедленно по получении сего откровенного письма моего, выслать следуемые мне два целковых за бритвы иностранной **работы**, проданные мною, если запомнить изволите, семь месяцев тому назад в долг <...> [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 181].

7. То, что подлежит обработке, находится в процессе изготовления. [Астафий Иванович] Я как выслушал его [Емелю], как был – встал, подошел к окну, засветил светильню да и сел **работу** тачать. Жилетку чиновнику, что под нами жил, переделывал [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 89].

Выделенные семь значений в целом соотносятся с предлагаемыми в основных толковых словарях русского языка, отличие наших дефиниций состоит в том, что не выделяются оттенки значений, все необходимые смысловые стороны каждого значения включаются в основное толкование или оговариваются в Примечаниях. В этой связи необходимо отметить вынесенное как отдельное значение **2** – ‘принудительный труд как мера наказания в местах заключения’. В толковых словарях оно отмечается в качестве оттенка к основному

значению – ‘осуществление целенаправленной деятельности’, однако для словаря авторского языка мы сочли возможным отметить это значение как самостоятельное ввиду его содержательной нагруженности и полноты представленности в идиостиле Достоевского: в этом значении слово *работа* употребляется в текстах всех жанров. Очевидно при этом, что выделенные значения будут неравноценны по их роли и важности в текстах. Так, значения «6. Качество, способ, манера исполнения» или «5. Продукт труда, изделие, произведение» вряд ли будут центральными, смыслообразующими для художественных произведений.

Единичные употребления в тексте слова *работа* также могут являться периферийными по отношению к основному содержанию произведения. См., напр., все три случая употребления слова *работа* в разных значениях в рассказе «Господин Прохарчин»: «<...> он [Прохарчин] не довольствуясь своим старым, но довольно крепким замком [сундука], поговаривал завести другой, какой-то особенный, немецкой **работы** <зн. 5>, с разными затеями и с потайною пружиною» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 243]. «Тем временем кое-кто из жильцов решились сделать торжественный прием беглецу: испортили задвижку и отодвинули ширмы от кровати пропавшего, немножко поизмяли постель, взяли известный сундук, поместили его на кровати в ногах, а на кровать положили золовку, то есть куклу, форму, сделанную из старого хозяйкина платка, чепца и салопы, но только совершенно наподобие золовки, так что можно было совсем обмануться. Кончив **работу** <зн. 1>, стали ждать, с тем чтоб, по прибытии Семена Ивановича, объявить ему, что пришла из уезда золовка и поместилась у него за ширмами, бедная» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 247-248]. «<...> наш герой, с своей стороны, почувствовав нечто вроде восторга, затопал ножонками, как будто желая таким образом аплодировать молодецкой пожарной **работе** <зн. 1>, которую совершенно видел с своего возвышения» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 250]⁵.

В то же время единичное употребление а priori еще не означает не важное – оно может участвовать в раскрытии образа персонажа, как, например, Ефимова в повести «Неточка Незванова»: «[Б. – Ефи-

⁵ В последнем примере можно оспорить «периферийность» сочетания *пожарная работа*, но, как мы полагаем, его смысловой центр сосредоточивается не на слове *работа*, а на семантике прилагательного, связанной с темой огня, пожара, столь значимой для повести «Господин Прохарчин».

мову] Ободришь же теперь! Ты еще совсем не так беден, ты можешь жить, не пренебрегай **черной работой**, руби дрова, как я рубил их на вечеринках у бедных ремесленников. Но ты нетерпелив, ты болен своим нетерпением, у тебя мало простоты, ты слишком хитришь, слишком много думаешь, много даешь **работы** своей голове; ты дерзок на словах и трусишь, когда придется взять в руки смычок» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 152]⁶.

Итак, мы видим, что для слова *работа*, как и для любого слова, его функция в тексте должна быть рассмотрена в каждом отдельном случае, однако наиболее интересным является анализ произведения, где эта идиоглосса имеет высокую частоту, т. е. «Записок из Мертвого дома».

I

Какая это каторжная работа?
«Записки из Мертвого дома»

И поставили над ним начальников работ, чтобы изнуляли его тяжкими работами ...и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами.

Исх.1:11, 14

«Записки из Мертвого дома» с точки зрения характеристик идиостилевого употребления слова *работа* имеют ряд особенностей по сравнению с другими художественными произведениями. Во-первых, это очень высокая частота употребления, во-вторых, сам спектр используемых значений: наряду с основным значением **1** – ‘деятельность’ не менее важным оказывается значение **2** – ‘принудительный труд как средство наказания’, которое наиболее очевидным образом реализуется в таких сочетаниях, как ***работа** вынужденная, каторжная, казенная, крепостная, насильная, обязательная, принужденная; из-под палки*. Очевидно, что названные особенности мотивированы основной темой «Записок» – описанием

⁶ Здесь и далее знаком подчеркивания выделены лексические связи, которые представляются наиболее актуальными для смысловой характеристики слова *работа* в рассматриваемом фрагменте текста.

жизни в остроге, и в целом можно отметить большое разнообразие ассоциативных связей, раскрывающих семантику идиоглоссы *работа*, что в совокупности отражает авторскую рефлексию над этим словом: в романе Достоевский сам по ходу повествования задает вопрос: «Какая это каторжная работа?».

Я шел вместе со всеми и даже как будто оживился: мне хотелось поскорее увидеть и узнать, что за **работа**? Какая это каторжная **работа**? И как я сам буду в первый раз в жизни работать? [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 70]

На поставленные автором вопросы (здесь мы допускаем отождествление автора «Записок», Горянчикова, и Автора – Достоевского) дается множество самых разных ответов, при этом контексты, посвященные работе, условно делятся на два типа: (1) «контексты реального описания» с упоминанием конкретных видов работ, участником которых является Горянчиков и/или другие действующие лица, и в данном случае может высказываться субъективное отношение к этой работе с точки зрения ее исполнителей; (2) «контексты абстрактного рассуждения», в которых работа анализируется автором уже в публицистическом плане как феномен человеческой жизни с социальной, психологической точки зрения в отвлечении от конкретной личности.

(1) В «контекстах реального описания» реализуется, как правило, значение **1** слова *работа*. В романе содержится большое количество упоминаний конкретной работы⁷, в первую очередь перечисляется и описывается разнообразная физическая деятельность:

- таскать, носить кирпичи; перетаскивать кирпичи; класть кирпичи; делать кирпичи;
- штукатурить;
- строить;
- копать землю;
- заниматься слесарною, столярною или малярною частию;
- ломать старые казенные барки;
- разгрести снег;
- обжигать и толочь алебастр;

⁷ Обратим внимание на то, что мы опирались на контексты преимущественно со словом *работа*, при этом не учитывались контексты с производящим глаголом *работать*, которые, безусловно, еще больше расширили бы круг лексико-семантических ассоциаций.

- вертеть точильное колесо;
- точить балясины и т. д.

<...> я не смотрел ни на кого и бодро отправлялся куда-нибудь, например хоть обжигать и толочь алебастр, – одна из первых **работ**, мною узанных [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 80].

Работы шли всё больше по инженерным постройкам. Арестанты строили, копали землю, клали кирпичи; другие из них занимались слесарною, столярною или малярною частию при ремонтных исправлениях казенных домов. Третьи ходили в завод делать кирпичи. Эта последняя работа считалась у нас самою тяжелою [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 177].

Я же или по-прежнему ходил в мастерскую, или на алебастр, или, наконец, употреблялся в качестве подносчика кирпичей при постройках. В последнем случае пришлось однажды перетаскивать кирпичи с берега Иртыша к строившейся казарме сажен на семьдесят расстояния, через крепостной вал, и **работа** эта продолжалась месяца два сряду [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 178].

В ряде случаев Достоевский не просто называет эти виды работ, но и подробно рассказывает о процессе их выполнения, например, как *ломать старые казенные барки*, или *обжигать и толочь алебастр*, или *вертеть точильное колесо*:

Оказалось, барку не следовало рубить зря, а надо было по возможности сохранить бревна и в особенности поперечные кокоры, прибитые по всей длине своей ко дну барки деревянными гвоздями, – **работа** долгая и скучная [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 74].

А всего-то и дела было вытопить печь, чтоб обжечь наложенный в нее алебастр <...>. На другой же день, когда алебастр бывал уже совсем обожжен, начиналась его выгрузка из печки. Каждый из нас брал тяжелую колотушку, накладывал себе особый ящик алебастром и принимался разбивать его. Это была премилая **работа**. Хрупкий алебастр быстро обращался в белую блестящую пыль, так ловко, так хорошо крошился. Мы взмахивали тяжелыми молотами и задавали

такую трескотню, что самим было любо [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 81].

Другая **работа**, на которую я посылался, – в мастерской вертеть точильное колесо. Колесо было большое, тяжелое. Требовалось немалых усилий вертеть его, особенно когда токарь (из инженерных мастеровых) точил что-нибудь вроде лестничной балясины или ножки от большого стола, для казенной мебели какому-нибудь чиновнику, на что требовалось чуть не бревно. Одному в таком случае было вертеть не под силу <...> [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 81].

Разные виды работ могут быть обозначены косвенно – через названия профессий:

Тут были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесаря, и резчики, и золотильщики. Был один еврей, Исай Бумштейн, ювелир, он же и ростовщик. Все они трудились и добывали копейку. Заказы **работ** добывались из города [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 17].

В первый год, или, лучше сказать, в первые же месяцы моей осторожной жизни, весной, я ходил с одной партией на **работу** за две версты, в кирпичный завод, с печниками, подносчиком [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 159].

Я упомянул сейчас, что нам не делали и не смели делать никакой поправки, никакого облегчения перед прочими арестантами в **работе**. Но один раз, однако, попробовали сделать: я и Б-кий целых три месяца ходили в инженерную канцелярию в качестве писарей [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 214].

На вопрос «Что за работа?» можно ответить, указав и на обозначения других видов деятельности: *работы инженерные, кирпичные, ремонтные*; различающиеся по сезонам: *работы летние, зимние*.

Сама по себе работа (не как результат, а, собственно, как осуществление конкретной деятельности) может субъективно оцениваться автором с разных точек зрения:

а) степень требуемых усилий: *работа легкая* (2 р.), *тяжелая* (4 р.), *тяжелейшая, самая трудная, усиленная*; *работы тяжелые*,

тяжкие, самые тяжелые, самые тяжкие. Как видим, среди данных определений превалируют отрицательно-оценочные.

б) влияние на самочувствие, здоровье: *работа спасает, укрепляет здоровье; полезна; дает моцион.*

На каторге Достоевский старался в работе усмотреть для себя как можно больше положительных сторон, он говорит о спасительной силе работы как в физическом, так и в духовном плане; работа становится способом выживания (ср. также ниже высказывание о любви к работе):

Я чувствовал, что **работа** может спасти меня, укрепить мое здоровье, тело. Постоянное душевное беспокойство, нервическое раздражение, спертый воздух казармы могли бы разрушить меня совершенно. «Чаще быть на воздухе, каждый день уставать, приучаться носить тяжести – и по крайней мере я спасу себя, – думал я, – укреплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, нестарый». Я не ошибся: **работа** и движение были мне очень полезны. <...> [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 80]. Мне эта **работа** [вертеть точильное колесо] давала превосходный моцион. <...>. [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 81] Но мне нравилось то, что от **работы** во мне видимо развивалась сила. [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 178] <...> от этой **работы** [таскать кирпичи] укрепляется тело <...>. [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 178]

в) отношение к работе, в том числе эмоциональное: *работа безынтересная и скучная; долгая и скучная; премилая* (неожиданная индивидуальная характеристика такого вида работы, как обжигать и толочь алебастр); *до работ ленивые; к работе любовь* (ср. также *любил таскать кирпичи; особенно любил разгрести снег*); *работать работу* [разгрести снег] *весело; на работу смотреть с ненавистью.*

г) место, где совершается работа: Достоевский обращает внимание на важность того, в каком месте осуществляется та или иная работа, так как в этом случае появляются сопутствующие впечатления, обогащающие человеческую душу, и тем самым косвенно и одухотворяющие, и/или компенсирующие нагрузку от тяжелой принудительной работы.

Я, впрочем, любил таскать кирпичи не за то только, что от этой **работы** укрепляется тело, а за то еще, что **работа** производилась

на берегу Иртыша. Я потому так часто говорю об этом берегу, что единственно только с него и был виден мир Божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатление своею пустынною. На берегу только и можно было стать к крепости задом и не видеть ее. Все прочие места наших **работ** были в крепости или подле нее. С самых первых дней я возненавидел эту крепость и особенно иные здания. <...> На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, в этот необъятный, пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 178].

д) польза, осмысленность работы: *работа бесполезная, дельная, ценная, разумная.*

(2) В «контекстах абстрактного рассуждения» автор выступает как публицист, выражая свое отношение к проблеме принудительного труда (речь идет преимущественно о значении **2** слова *работа*) и рассматривая ее с нескольких точек зрения:

а) полезность (или бесполезность) *насильной* работы с социальной точки зрения: Достоевский высказывается на этот счет вполне определенно: «остроги и система насильных работ не исправляют преступника» (эта же тема в дальнейшем будет затронута в романе «Братья Карамазовы»⁸):

Конечно, остроги и система насильных **работ** не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие. В преступнике же острог и самая усиленная каторжная **работа** развивают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 15].

б) важность для человека личной заинтересованности в исполнении работ: так, обозначено важное противопоставление *своя, собственная работа* и *каторжная казенная*:

⁸ Ср.: «Это вот как, – начал старец. – Все эти ссылки в работы, а прежде с битьем, никого не исправляют, а главное, почти никакого преступника и не устрашают, и число преступлений не только не уменьшается, а тем далее, тем более нарастает» [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 59].

Казенная каторжная крепостная **работа** была не занятием, а обязанностью: арестант отработывал свой урок или отбывал законные часы работы и шел в острог. На **работу** смотрели с ненавистью. Без своего особого, собственного занятия, которому бы он предан был всем умом, всем расчетом своим, человек в остроге не мог бы жить [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 16].

Я говорил уже, что у арестантов всегда была собственная **работа** и что эта **работа** – естественная потребность каторжной жизни <...> [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 33].

в) дополнительная тягость каторжной работы, обусловленная тем, что она, по сравнению с работой на воле, *принужденная*:

Самая **работа**, например, показалась мне вовсе не так тяжелою, каторжную, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и каторжность этой **работы** не столько в трудности и непрерывности ее, сколько в том, что она – *принужденная*, обязательная, из-под палки. Мужик на воле работает, пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночам, особенно летом; он работает на себя, работает с разумною целью, и ему несравненно легче, чем каторжному на вынужденной и совершенно для него бесполезной **работе** [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 20]. (курсив в примере Достоевского – М.К.)

<...> каторжная **работа** несравненно мучительнее всякой вольной, именно тем, что вынужденная [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 20].

г) важность и необходимость целеполагания (*разумной цели*), мотивированности и осмысленности работы:

<...> если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать **работе** характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы. Если теперешняя каторжная **работа** и безынтересна и скучна для каторжного, то сама по себе, как работа, она разумна: арестант делает кирпич, копает землю, штукатурит, строит; в **работе** этой есть смысл и цель. Каторжный

работник иногда даже увлекается ею, хочет сработать ловчее, скорее, лучше. Но если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, – я думаю, арестант удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки. Разумеется, такое наказание обратилось бы в пытку, в мщение и было бы бессмысленно, потому что не достигало бы никакой разумной цели [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 20].

Выше мы обозначили далеко не все смысловые оттенки идиоглоссы *работа*, реализуемые в контекстах «Записок из Мертвого дома». Проведённый анализ можно было бы расширить материалом, включающим в себя ее ассоциативные связи, например, парадигматические, в первую очередь словообразовательные, синонимические и антонимические отношения.

Так, для слова *работа* можно отметить встречающиеся в тексте однокоренные слова (*заработок, заработать, нерабочий, отработывать* (так!), *работник, работать, работающий, рабочий* (прил.), *рабский, переработать* (*Всей работы не переработаешь*), *поработать, сработать, чернорабочий*); синонимы (*дело, занятие, труд, урок* – ‘рабочее задание арестанта на день’). Особенно важным для полноты раскрытия смысловых граней слова *работа* представляется учет его довольно разнообразных антонимических связей: с одной стороны, это группа слов, связанная с понятием ‘отдых’ (*баня, дни отдохновения, кутеж, праздник* и некоторые другие), а с другой, – слова, относящиеся к понятию ‘безделье’ (*безделье, белоручка, праздность, самый нежный неженка*). Здесь же можно указать, напр., и такой контекст, в котором называются виды безделья и его пагубные последствия – в противопоставлении работе:

Но собственной **работой** занималась, может быть, только треть арестантов, остальные же били баклуши, слонялись без нужды по всем казармам острога, ругались, заводили меж собой интриги, истории, напивались, если наворачивались хоть какие-нибудь деньги; по ночам проигрывали в карты последнюю рубашку, и всё это от тоски, от праздности, от нечего делать [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 20].

Можно отметить и другие виды не-работы: *болезнь* (причем как реальная, так и мнимая) и *говение*. И то и другое тоже противопоставляется работе в остроге:

Заболевшие из арестантов у нас обыкновенно поутру объявляли о болезни своей унтер-офицеру. Их тотчас же записывали в книгу и с этой книгой отсылали больного с конвойным в батальонный лазарет. Там доктор предварительно свидетельствовал всех больных из всех военных команд, расположенных в крепости, и кого находил действительно больным, записывал в госпиталь. Меня отметили в книге, и во втором часу, когда уже все наши отправились из острога на послеобеденную **работу**, я пошел в госпиталь [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 131].

Иногда он [ординатор] и сам замечал, что больной ничем не болен; но так как арестант пришел отдохнуть от **работы** или полежать на тюфяке, вместо голых досок, и, наконец, все-таки в теплой комнате, а не в сырой кордегардии <...> то наш ординатор спокойно записывал им какую-нибудь *febris catarrhalis* и оставлял лежать иногда даже на неделю [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 143].

Весь острог, еще с первой недели, разделен был старшим унтер-офицером на семь смен, по числу недель поста, для говения. В каждой смене оказалось, таким образом, человек по тридцати. Неделя говения мне очень понравилась. Говевшие освобождались от **работ**. Мы ходили в церковь, которая была неподалеку от острога, раза по два и по три в день [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 176].

Представленный обзор употребления слова *работа* в «Записках из Мертвого дома» свидетельствует, что этот роман являет собой замечательный, и, наверное, редкий пример того, как одно произведение может составить полноценный фрагмент тезауруса для одного слова – в данном случае слова *работа*, что лишний раз говорит о необыкновенно глубоком и универсальном мировидении Достоевского. При этом еще раз подчеркнем, что в «Записках из Мертвого дома» речь идет только о конкретной, физической работе.

Завершая рассмотрение особенностей употребления идиоглоссы *работа* в «Записках из Мертвого дома», отметим, как это слово делается сквозным, как через него, например, устанавливается своего

рода ретроспективная связь содержания «Записок» с первым романом Пятикнижия Достоевского, а именно с эпилогом «Преступления и наказания»: повествование о Раскольникове заканчивается там, где начинается рассказ Горянчикова.

Одним словом, кончилось тем, что преступник [Раскольников] присужден был к каторжной **работе** второго разряда, на срок всего только восьми лет, во уважение явки с повинною и некоторых облегчающих вину обстоятельств [Достоевский, 1972-1990, т. 6, с. 412]. Он [Раскольников] ходит на **работы**, от которых не уклоняется и на которые не напрашивается [Достоевский, 1972-1990, т. 6, с. 415]. Видится же она [Соня] с ним [Раскольниковым] по праздникам у острожных ворот или в кордегардии, куда его вызывают к ней на несколько минут; по будням же на **работах**, куда она заходит к нему, или в мастерских, или на кирпичных заводах, или в сараях на берегу Иртыша [Достоевский, 1972-1990, т. 6, с. 416]⁹.

II

Говорят, от работы человек добрым и честным делается.

«Записки из подполья»

[Настасья] Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь почто ничего не делаешь? – Я делаю... – нехотя и сурово проговорил Раскольников. – Что делаешь? – Работу... – Каку работу? – Думаю, – серьезно отвечал он, помолчав.

«Преступление и наказание»

Рассмотрим, каковы функции идиоглоссы *работа* в тексте, где это слово встречается редко и как будто не является тематическим. Проанализируем «Записки из подполья», приведя свои рассуж-

⁹ Примечательно, что, так же как и в «Записках из Мертвого дома», в эпилоге «Преступления и наказания» упоминается говение, о котором мы говорили выше, отмечая антонимические связи слова *работа*: «На второй неделе поста пришла ему [Раскольникову] очередь **говеть** вместе с своей казармой. Он ходил молиться вместе с другими» [Достоевский, 1972-1990, т. 6, с. 419].

дения скорее ad hoc, ведь не эта идиоглосса отражает содержание произведения, главнее в повести – БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ, СТРАДАНИЕ, ЗЛОЙ, ЗЛОСТЬ, а Парадоксалист (вымышленный автор, в данном случае уже без какого-либо отождествления с Автором-создателем)

не просто ничего не делающий человек, а сознательно ничего не делающий и теоретизирующий на данную тему. Однако совсем обойтись без слова *работа* ему всё-таки не удалось.

В повествовании Парадоксалиста слово *работа* встречается всего 7 раз, из них в первой части («Подполье»): 1 раз в отвлеченном контексте [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 119] (первое употребление слова *работа* в тексте повести); 2 раза в рассуждениях о самом себе [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 123]; и во второй части («По поводу мокрого снега»): 3 раза применительно к Лизе [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 158, 160, 160]; и 1 раз (в периферийном употреблении) в упоминании о слуге Аполлоне [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 171].

Однако тема работы (в значении 4 – ‘дело, занятие, служба’), без употребления самого слова, имплицитно содержится уже в самом начале повести:

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. <...> Но все-таки, если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит! Я уже давно так живу – лет двадцать. Теперь мне сорок. Я прежде служил, а теперь не служу [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 99].

Рассмотрим текст «Записок», выбрав из него элементы лексической группы фрагмента тезауруса [**человек и его деятельность**], обозначив в рассказе Парадоксалиста о самом себе возможные ассоциативные, смысловые и лексические, связи со словом *работа* (вне его вербализации в тексте) и объединив ассоциаты в тематические подгруппы. В первую очередь детализируются такие подгруппы названного фрагмента тезауруса, как [**работа, род деятельности**] и [**профессия, занятие**]:

[**должность**] «...кто ж я таков именно? – то я вам отвечу: я один коллежский асессор» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 101]; «Я был злой чиновник» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 99]; (а в мечтах видит себя *поэтом, камергером*...). В целом в это поле входит боль-

шое число наименований должностей (*камергер, камер-юнкер, начальство, офицер* (18 раз), *полковники, статские, столоначальник, чиновник, чиновничихо*), которые в разной связи упоминает герой, сам занимая одну из низших ступеней в социальной иерархии;

[место службы] «← Ска-а-ажите, вы... в департаменте? <...> – В ...й канцелярии, – ответил я отрывисто, глядя в тарелку» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 143] (то, что Парадоксалист вынужден на вопрос товарищей ответить, что служит в *канцелярии*, а не в *департаменте*, болезненно для него, вплоть до того, что порождает желание вызвать их на дуэль);

[целеполагание службы] – с одной стороны, обозначена вынужденность работать: «Я служил, чтоб было что-нибудь есть (но единственно для этого)...»; «деньги за то получал» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 101]; с другой, – упоминаются *карьера, значительные чины*, болезненно переживается собственный *неуспех* <...> *служебной карьеры*, что свидетельствует о чувствительности для героя темы службы;

[служебные обязанности и отношение к их исполнению (к своей работе)] «Я был злой чиновник»; «Я был груб и находил в этом удовольствие» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 99]; «... я взток не брал...» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 99]; «...подходили, бывало, просители за справками, я зубами на них [просителей] скрежетал и чувствовал неумолимое наслаждение, когда удавалось кого-нибудь огорчить» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 100]; «... искренно презирал свою служебную деятельность и не плевался только по необходимости, потому что сам там сидел и деньги за то получал» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 126].

И Парадоксалист при первой возможности оставляет службу (работу), поселяется в одиночестве в углу (в своем подполье) и предается размышлениям, среди которых есть и посвященные работе в значении 'деятельность', причем работа предстает уже не как конкретное занятие, дело, а как концепт, рассматриваемый полемически от обратного – ничегонделанье (а не работа!) преподносится в качестве призвания думающих людей:

<...> умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак. Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель, – существом по преимуществу ограниченным [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 100].

Повторяю, усиленно повторяю: все непосредственные люди и деятели потому и деятельны, что они тупы и ограничены [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 108].

Работники, кончив **работу**, по крайней мере деньги получают, в кабачок пойдут, потом в часть попадут, – ну вот и занятия на неделю. А человек куда пойдет? [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 119]

Таким образом, намечается следующая парадигма:

тот, чей удел работа	тот, чей удел не-работа
дурак существо по преимуществу ограниченное человек с характером деятель, деятели непосредственные люди тупы и ограничены работники	умный человек существо по преимуществу бесхарактерное люди думающие, а следственно, ничего не делающие

Далее можно выделить группу слов-ассоциатов, находящихся со словом *работа* в антонимических отношениях:

[‘не-работа’] *лень, болтовня, сложа-руки-сиденье, пересыпанье из пустого в порожнее; болтун, лентяй и обжора; ничего не делать.*

Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное слож-а-руки-сиденье [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 108].

Пусть, пусть я болтун, безвредный, досадный болтун, как и все мы. Но что же делать, если прямое и единственное назначение всякого умного человека есть болтовня, то есть умышленное пересыпанье из пустого в порожнее. О, если б я ничего не делал только из лени. <...> Вопрос: кто такой? Ответ: лентяй; да ведь это преприятно было бы слышать о себе [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 109].

Следующий шаг в рассуждениях героя – еще большее заострение противопоставления **работа** ↔ **служба** vs **работа** ↔ **безделье**. В форме усиленной самоиронии возникают такие парадоксы: *лентяй* как *карьерист*, *пить за здоровье всего прекрасного и высокого* как *деятельность*:

А я бы себе <...> выбрал карьеру: я был бы лентяй и обжора, но не простой, а, например, сочувствующий всему прекрасному и высокому. Как вам это нравится? Мне это давно мерещилось. <...> Я бы тотчас же отыскал себе и соответствующую деятельность, – а именно: пить за здоровье всего прекрасного и высокого. Я бы придирался ко всякому случаю, чтоб сначала пролить в свой бокал слезу, а потом выпить его за всё прекрасное и высокое. <...> И такое себе отрастил бы я тогда брюхо, такой тройной подбородок соорудил, такой бы сандаальный нос себе выработал [обращаем внимание на глаголы «делания» в ирон. употр. – М.К.], что всякий встречный сказал бы, смотря на меня: «Вот так плюс! вот так уж настоящее положительное!» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 110]

Однако есть и другие векторы ассоциативных отношений, имплицитно устанавливаемых со словом *работа*. Так, существует тема связи деятельности и выгоды (на которой не будем здесь подробно останавливаться), где намечается такой ряд ассоциатов: *выгода, добро, интерес; знать настоящие свои интересы, делать добро* – то, что ведет к необходимой полезной деятельности (работе):

О, скажите, кто это первый объявил, кто первый провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает настоящих своих интересов; а что если б его просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же перестал бы делать пакости, тотчас же стал бы добрым и благородным, потому что, будучи просвещенным и понимая настоящие свои выгоды, именно увидел бы в добре собственную свою выгоду, а известно, что ни один человек не может действовать зазнамо против собственных своих выгод, следственно, так сказать, по необходимости стал бы делать добро? [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 110]

И при этом – принципиальный отказ от работы для *экономического благоденствия*, отказ *строить хрустальный дворец* и участвовать в *муравейнике*.

В «Записках», на наш взгляд, «вычитывается» еще одна невербализованная, но очень важная тема, которую можно было бы назвать «мучительная работа над собой». По существу, этому посвящен весь текст повести: провозглашая себя болтуном и лентяем, прячась за бесчисленными парадоксами, герой страстно хочет сделаться

кем-нибудь, хоть и не признаваясь самому себе, казнит себя за то, что *всю жизнь ничего не мог ни начать, ни окончить*:

<...> уж никогда не сделаешься другим человеком; что если б даже и оставалось еще время и вера, чтоб переделаться во что-нибудь другое, то, наверно, сам бы не захотел переделываться; а захотел бы, так и тут бы ничего не сделал, потому что на самом-то деле и переделываться-то, может быть, не во что [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 102].

Ведь через минуту какую-нибудь я уже с злобою соображаю, бывало, что всё это ложь, ложь, отвратительная напускная ложь, то есть все эти раскаяния, все эти умиления, все эти обеты возрождения. А спросите, для чего я так сам себя коверкал и мучил? Ответ: затем, что скучно уж очень было сложа руки сидеть; вот и пускался на выверты. <...> Сам себе приключения выдумывал и жизнь сочинял, чтоб хоть как-нибудь да пожить [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 107-108].

А попробуй увлекись своим чувством слепо, без рассуждений, без первоначальной причины, отгоняя сознание хоть на это время; возненавидь или полюби, чтоб только не сидеть сложа руки [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 108].

И он хочет «объясниться», а для этого приходится действовать, что-то делать, и он *берет в руки перо*, потому что *скучно уж очень сложа руки сидеть, и упражняется в мышлении*, ищет лучшего: «<...> сам знаю, как дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсем другое, которого я жажду, но которого никак не найду! К черту подполье!» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 121] Парадоксалист хотел бы отказаться от подполья (*подполье* в каком-то смысле тоже антоним *работы*), и он задается мучительным вопросом: «А вот посадил бы я вас лет на сорок безо всякого занятия, да и пришел бы к вам через сорок лет, в подполье, навеститься, до чего вы дошли? Разве можно человека без дела на сорок лет одного оставлять?» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 121]

Тогда он начинает рассказывать, говорить о себе, то есть ищет себе занятие (работу?), и, наконец, решается записывать – мысли, переживания, события своей жизни:

<...> для чего, зачем собственно я хочу писать? Если не для публики, так ведь можно бы и так, мысленно всё припомнить, не переводя на бумагу. Так-с; но на бумаге оно выйдет как-то торжественнее. <...> Кроме того: может быть, я от записывания действительно получу облегчение. Вот нынче, например, меня особенно давит одно давнишнее воспоминание. <...> Я почему-то верю, что если я его запишу, то оно и отвяжется. Отчего ж не испробовать? Наконец: мне скучно, а я постоянно ничего не делаю. Записыванье же действительно как будто работа. Говорят, от работы человек добрым и честным делается [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 123].

Так в конце первой части «Подполье» появляются два из семи упомянутых нами случая употребления слова *работа* и, как видим, появляются в сильной, финальной, текстовой позиции, что, конечно же, не случайно. В двух последних высказываниях в слове *работа* как бы аккумулируются размышления Парадоксалиста – о цели, пользе (выгоде!) и спасительности работы, пусть и с оговорками, пусть как мысли других, чтобы не показаться слишком *благоразумным и благонравным*, то есть можно сказать, что «автор» (и Автор) этим словом «проговариваются»: в чем же шанс? в чем надежда? в чем спасение? – в работе. И в этой не тривиальной, а выстраданной жизнью мысли парадоксальным образом смыкаются «Записки из Мертвого дома» и «Записки из подполья», впрочем, с учетом того, что в первом случае речь идет о физической работе, а во втором – умственной.

III

Писал, кажется, ровно три месяца и написал одиннадцать печатных листов *minimum*. Можете себе представить, какая это была каторжная работа!

Письмо С.А. Ивановой из Дрездена

от 14 августа 1849 г.

Вернемся к характеристике распределения частоты слова *работа* по жанрам в корпусе текстов Достоевского. Выше было отмечено, что одной из особенностей употребления этой идиоглоссы является его превосходящая частота в письмах по сравнению с художествен-

ной прозой и публицистикой. Мы уже писали о том, что то или иное слово, употребляемое Достоевским во всех жанрах, обычно имеет превосходящую частоту в художественных текстах, и на этом фоне случаи отклонения от этой закономерности, как правило, являются маркированными, см. [Коробова, 2014]. Среди слов с преобладающей частотой в письмах отмечается в первую очередь тематическая группа, связанная с профессиональной деятельностью Достоевского, а именно – с литературным трудом. Абсолютной тематической доминантой этой группы является глагол *писать* (**3 249**: 572, 345, 2 332) / *написать* (**2 368**: 502, 271, 1 595); в нее также входят слова журнал (**907**: 71, 300, 536); издавать (**163**: 17, 59, 87); издание (**413**: 26, 142, 245); корректура (**125**: –, 2, 123); напечатать (**390**: 53, 66, 271); печатать (**223**: 21, 28, 174); повесть (**441**: 55, 103, 283); редактор (**99**: 6, 42, 51); редакция (**477**: 18, 119, 340); роман (**1 227**: 165, 144, 918); сочинение (**261**: 57, 43, 161); страница (**212**: 43, 63, 106). К числу этих слов относится и слово *работа* (**953**: 362, 104, 487¹⁰) (см. [4, с. 289]).

Очевидно, что употребление слова *работа* в письмах Достоевского заслуживает самостоятельного рассмотрения, здесь же мы ограничимся тем, что отметим только идиостилевое сочетание *каторжная работа*. В целом в письмах *работа* определяется весьма разнообразно и с разных точек зрения (при этом все названные ниже определения в сочетании со словом *работа* употреблены по одному разу), в частности, упоминаются виды работы – *журнальная, заказная, литературная, редакционная, переводно-компиляционная, типографская, художественная*; сроки и длительность работы – *будущая, годовичная, ежегодная; периодическая, срочная; самая срочная и спешная; безустанная, дневная и ночная, медленная, непрерывная, нескончаемая*; способы работы – *внутренняя, головная* («работаю очень сильно головной **работой**»), *механическая, не механическая* («Писать же **работа** не механическая...»). Однако есть группа наиболее значимых для Достоевского определений, которая характеризуется не только лексическим разнообразием входящих в нее слов, но и частотой употребления некоторых из них. Это прилагательные, обозначающие тяжесть труда, степень затраты усилий при совершении работы, и с этой точки зрения *работа* определяется как *воловья, претяжелая, трудная* (2 р.), *трудная и мучительная,*

¹⁰ Частота для писем указана без учета деловой переписки.

тяжелая (4 р.), *ужасная, упорная, усиленная* (7 р.), но чаще всего в письмах Достоевский свою работу называет *каторжной* (12 р.).

В русском языке сочетание *каторжная работа* имеет два значения: **1.** 'Принудительная работа в местах заключения' – это значение прямое, являющееся в современном языке историзмом (то же, что каторга; в XVII–XIX веках подразумевалась ссылка в Сибирь; может использоваться в формах ед. и мн. числа). **2.** 'Изнурительная, мучительная работа' – переносное значение, с известной степенью устойчивости (используется только в ед. ч.). У Достоевского мы видим уникальный случай¹¹ многократного употребления этого сочетания в обоих значениях, при этом со своими особенностями распределения по жанрам. В первом, прямом значении сочетание *каторжная работа* используется преимущественно в текстах художественной прозы – это практически все случаи употребления в «Записках из Мертвого дома» – 12 раз, о которых было сказано в начале статьи (за исключением одного употребления, о чем будет говориться ниже); 1 раз в «Преступлении и наказании» (см. выше [Достоевский, 1972-1990, т. 6, с. 412]); 1 раз в публицистике, и 7 раз в деловой переписке. Характерно то, что в личной переписке в прямом значении сочетание *каторжная работа* не встречается, а все случаи его употребления (12 р.) приходятся только на второе, переносное значение применительно к описанию постоянных трудностей литературного, писательского и редакторского, труда.

Первое употребление сочетания со словом *каторжный* в письмах отмечено тем, что оно относится к слову *работа*, употребленному в составе фразеологизма *черная работа*; речь при этом идет об издательской деятельности Достоевского, особенно напряженной после смерти брата в 1864 г., и далее, в том же письме, как *каторжная* также определяются работа по изданию «Записок из Мертвого дома» и полного собрания сочинений:

¹¹ Для сравнения можно отметить, что сочетание *каторжная работа* отсутствует в текстах И.С. Тургенева и И.А. Гончарова. В произведениях Л.Н. Толстого оно многократно используется в прямом значении – в романе «Воскресение», а также, в единичных случаях, в романе «Декабристы» и нек. др. Только в письмах М.Е. Салтыкова-Щедрина мы нашли один пример употребления сочетания *каторжная работа* в переносном значении – в контекстах, близких к мировосприятию Достоевского: «С самого приезда моего сюда, я постоянно нахожусь в совершенно каторжной работе и не только не могу ничем заняться, но, положительно, ничего даже прочитать не могу» (Письмо В.П. Безобразову от 29 июня 1858 г. из Рязани).

[А.Е. Врангелю, от 31 марта – 14 апреля 1865 г. из Петербурга] Верите ли: 28 ноября вышла сентябрьская книга [журнала «Время»], 13 февраля генварская книга 1865-го года, значит, по 16 дней на книгу и каждая книга в 35 листов. Что же это мне стоило! Но главное, при всей этой **каторжной черной работе** я сам не мог написать и напечатать в журнале ни строчки своего. <...> Кроме того, хочу издавать «Мертвый дом» тоже выпусками и с иллюстрацией, роскошным изданием, и наконец, в будущем году, полное собрание моих сочинений. Все это, надеюсь, даст тысяч пятнадцать – но **какова каторжная работа** [Достоевский, 1972-1990, т. 28₂, с. 118-119].

Такая же характеристика дана работе по изданию другого журнала: «[А.Г. Достоевской, от 23 июля 1873 г. из Петербурга] Кроме ужасно тяжких мыслей и уныния, напавшего на меня почти до болезни, при одном соображении, что я по крайней мере еще на полгода закабалил себя в эту **каторжную работу** в “Гражданине”, – я, кроме того, еще серьезно опасуюсь заболеть» [Достоевский, 1972-1990, т. 29₁, с. 281-282].

Каторжной работой в разное время Достоевский называл и собственно писательскую деятельность – работу над рассказом «Вечный муж» (письмо С.А. Ивановой от 14 (26) декабря 1869 г.), над романом «Бесы» (письмо С.А. Ивановой от 17 (29) августа 1870 г.), но в большинстве случаев *каторжная работа* ассоциируется с написанием романа «Братья Карамазовы»:

[В.Ф. Пуцыковичу, от 24 октября 1879 г. из Петербурга] До свиданья, голубчик, тороплюсь, совсем сбит с толку **каторжной работой** «Карамазовых» <...> [Достоевский, 1972-1990, т. 30₁, с. 129]. [В.Ф. Пуцыковичу, от 21 января 1880 г. из Петербурга, о работе над десятой книгой «Мальчики»] <...> страшная **каторжная работа**, свыше сил моих [1, т. 30₁, с. 140]. [Е.А. Штакеншнейдер, от 17 июля 1880 из Старой Руссы] Весь в работе, в **каторжной работе**. К сентябрю хочу и решил окончить всю последнюю, четвертую часть «Карамазовых» <...> [Достоевский, 1972-1990, т. 30₁, с. 198].

Отметим, что в дальнейшем в последних письмах это сочетание стало употребляться не в переносном значении, как метафорическое, более абстрагированное, а в качестве сравнения, которое в большей степени непосредственно отсылает нас к прямому значению, вплоть

до высказывания о том, что работа на каторге представляется уже чуть ли не легче писательского труда:

[О.Ф. Миллеру, от 26 августа 1880 г. из Старой Руссы] Я здесь **как в каторжной работе** и, несмотря на постоянно прекрасные дни, которыми надо бы пользоваться, сижу день и ночь за работой – кончаю «Карамазовых» [Достоевский, 1972-1990, т. 30₁, с. 213]. [И.С. Аксакову, от 28 августа 1880 г. из Старой Руссы] Вы не поверите, до какой степени я занят, день и ночь, **как в каторжной работе!** [Достоевский, 1972-1990, т. 30₁, с. 214] [П.Е. Гусевой, от 15 октября 1880 г. из Петербурга] Вам же не ответил – Вы не поверите почему: потому, что если есть человек **в каторжной работе**, то это я. Я был в каторге в Сибири 4 года, но там работа и жизнь были сноснее моей теперешней. С 15-го июня по 1-е октября я написал до 20 печатных листов романа и издал «Дневник писателя» в 3 печатных листа [Достоевский, 1972-1990, т. 30₁, с. 216].

И в связи с этим интересно указать на уже упомянутый единственный пример употребления сочетания *каторжная работа* в переносном значении в «Записках из Мертвого дома»: «Самая **работа**, например, показалась мне вовсе не так тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и каторжность этой **работы** не столько в трудности и непрерывности ее, сколько в том, что она – *принужденная*, обязательная, из-под палки» [Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 20]. (курсив в примере Достоевского – М.К.)

На переносное значение данного выражения указывает авторский курсив, и это указание в контексте «Записок из Мертвого дома» создает эффект игры, основанной на сочетании прямого и переносного значений. Таким образом, сочетание *каторжная работа* – несомненная идиостилевая особенность не только писем, но и всего творчества Достоевского, еще один пример своего рода полифоничности в том смысле, что, зная факты биографии Достоевского, в переносном значении «слышится» прямое и – наоборот. А работа для Достоевского всегда была каторжной...

Список литературы

1. Достоевский, 1972-1990 – Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
2. Караулов, Гинзбург, 2001 – Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. С. IX-LXIII.
3. Караулов, Гинзбург, 2003 – Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX вв. Антология / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. С. 4-16.
4. Коробова, 2014 – Коробова М.М. Преломление жанровой специфики через призму словаря (из опыта лексикографического описания языка Достоевского) // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Колл. моногр. М.: Лексрус, 2014. С. 285-301.
5. Ляшевская, Шаров, 2009 – Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (дата обращения: 12.05.2019)
6. Ружицкий, 2015 – Ружицкий И.В. Язык Ф.М. Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М.: Лексрус, 2015. 543 с.
7. Словарь языка Достоевского, 2008 – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий: А–В / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.
8. Словарь языка Достоевского, 2010 – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Г–З / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2010. 1048 с.
9. Словарь языка Достоевского, 2012 – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. И–М / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2012. 846 с.
10. Словарь языка Достоевского, 2017 – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Н–По / гл. ред. Ю.Н. Караулов; научн. ред. И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 835 с.
11. Словарь языка Пушкина, 1959 – Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. Т. 3. 1070 с.

References

1. Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.], Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
2. Karaulov Yu.N., Ginzburg E.L. Yazyk i mysl' Dostoyevskogo v slovarnom otobrazhenii [Dostoevsky's language and thoughts in the dictionaries interpretation]. *Slovar' yazyka Dostoyevskogo. Leksicheskii stroi idiolekta. Vyp. 1.* [Dostoevsky's Dictionary. Lexical system of idiolect. Vol. 1], ed. by Ju.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. IX-LXIII. (In Russ.)
3. Karaulov Yu.N., Ginzburg E.L. Opyt tipologizatsii avtorskikh slovarey [Experience of typology in writer's dictionaries]. *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vv. Antologiya* [Russian author's lexicography of XIX–XX centuries. Anthology], ed. by Ju.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 4-16. (In Russ.)
4. Korobova M.M. Prelomleniye zhanrovoy spetsifiki cherez prizmu slovarya. Iz opyta leksikograficheskogo opisaniya yazyka Dostoyevskogo [Refraction of genre specificity through the prism of the dictionary. From the experience of the lexicographic description of the language

of Dostoevsky]. *Slovo Dostoevskogo* 2014. *Idiostil' i kartina mira* [Dostoevsky's word 2014. Idiostyle and the worldview]. Moscow, LexRus Publ., 2014, pp. 285-301. (In Russ.)

5. Lyashevskaya O.N. Sharov S.A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of the modern Russian language (on the materials of the National Corps of the Russian language)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. Available at: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (access date: 12.05.2019) (In Russ.)

6. Ruzhitsky I.V. *Yazyk F.M. Dostoyevskogo: idioglossariy, tezaurus, eydos* [Fyodor M. Dostoevsky Language: Idioglossary, Thesaurus, Eidos]. Moscow, LexRus Publ., 2015. 543 p. (In Russ.)

7. *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. A–V* [Dostoevsky's Dictionary. Idioglossary. Vol. 1], ed. by Ju.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 962 p. (In Russ.)

8. *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. G–Z* [Dostoevsky's Dictionary. Idioglossary. Vol. 2], ed. by Ju.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 1048 p. (In Russ.)

9. *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. I–M* [Dostoevsky's Dictionary. Idioglossary. Vol. 3], ed. by Ju.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2012. 846 p. (In Russ.)

10. *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. N–Po* [Dostoevsky's Dictionary. Idioglossary. Vol. 4], ed. by Ju.N. Karaulov, I.V. Ruzhitzkii. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 836 p. (In Russ.)

11. *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Pushkin language dictionary: in 4 vols.], ed. by acad. V.V. Vinogradov. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo inostrannih i natsional'nih slovarej Publ., 1959. Vol. 3. 1070 p. (In Russ.)